

Илья Туричин

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ОКТАБРЁНКА

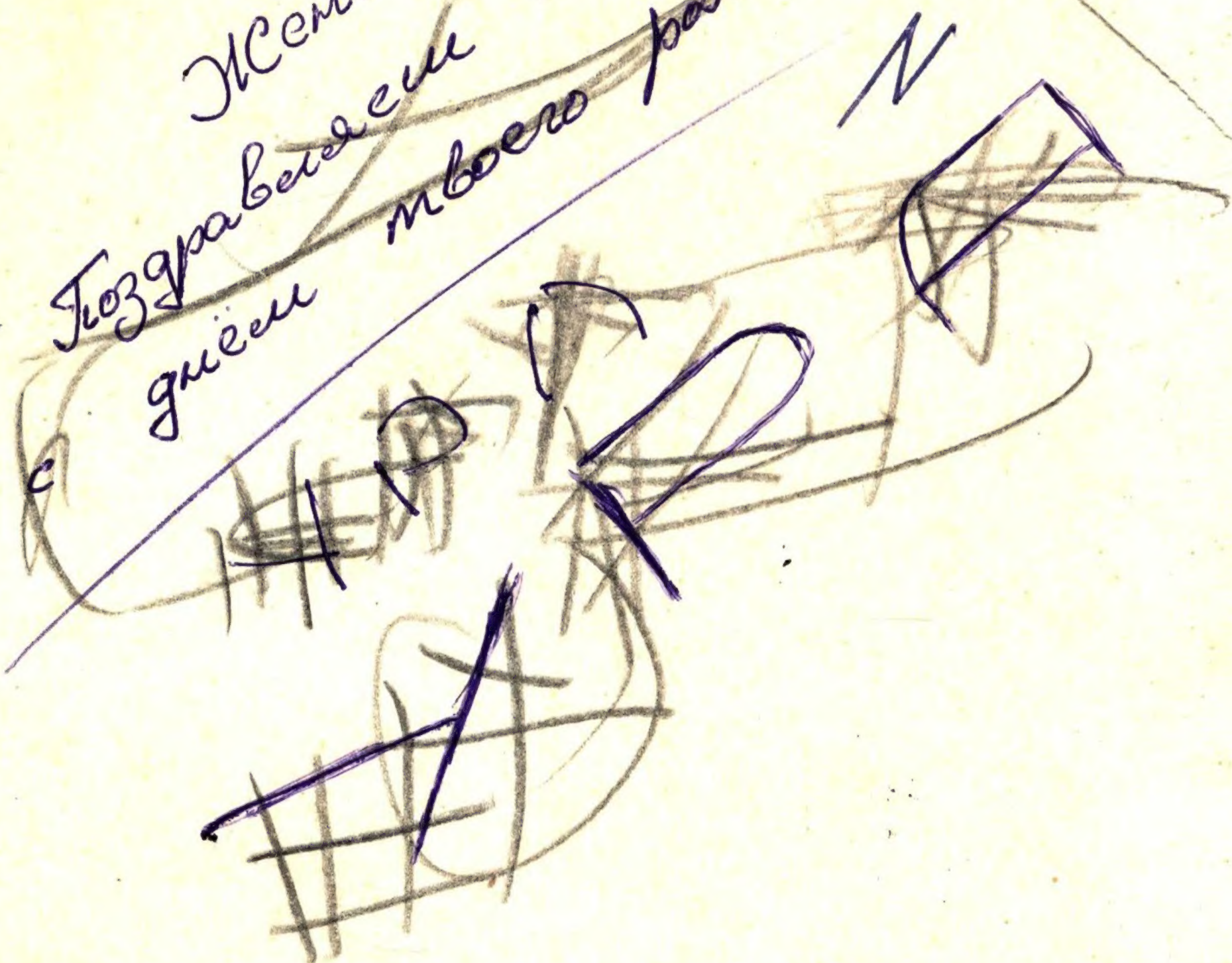
Васи
Сомова

В ПРОШЛОМ

Д

Меня!!!
издравляем тебя
днем твоего рождения.
счастью тебе здоровья и счастия
мату. Морь, Гена.

Меня!!!
издравляем тебя
днем твоего рождения

Heart

ПАТНА

0000000000 7 7 7 7 7 7
0000000000 X X X X X
0000000000 0 1 1 1 1 1

Илья Туричин

В

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ОКТАБРЁНКА

Васи Сомова

В ПРОШЛОМ

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Рисунки Вадима Гусева

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ ЛЕНИНГРАД 1967

Эта сказка про обыкновенного мальчика, такого же, как ты.

Звали его Васей Сомовым. Учился Вася во втором „А“ классе и, как все второклассники, был октябрёнком. У него была обыкновенная стриженная голова со светлой чёлкой. Обыкновенные серые глаза. Обыкновенный нос. А на носу обыкновенные веснушки. В общем, если перемешать Васю Сомова с другими мальчишками, его и не отыщешь: все стриженные, все с чёлками, у всех веснушки.

Так почему же я хочу рассказать тебе про Васю?

А потому, что с ним приключились интересные приключения.

Нашему Васе случайно попалась волшебная монета. Да-да, волшебная абсолютно точно, что один раз в такая монета чеканится. Её не от других. Но если с ней прочто проделать полагается, — начишебство.

Впрочем, не будем забегать ни одна сказка не начиналась или с конца. У каждой есть сво

Ещё ничего такого
не происходит, только Васа
находит кругляшок

Жил да был октябрёнок Вася Сомов. Это ты уже знаешь. А вот где он жил да был?

Есть на окраине города деревня. Автово. Это только так говорится: деревня. По привычке. А на самом деле Автово — целый город.

Улицы прямые. Дома высокие. А дворы — просто загляденье, сады. Хочешь на турнике подтянуться — пожалуйста. Хочешь хорошую книжку почитать — садись на скамейку в тени, читай.

Однажды весенним вечером играл Вася во дворе с ребятами в прятки. Спрятался в дальнем углу за водосточной трубой и стал ждать.

Вдруг над самой головой что-то зашуршало, заскреблось о железный подоконник.

Глянул Вася вверх — на карнизе сидит старая седая ворона. Склонила голову набок и глядит на Васю.

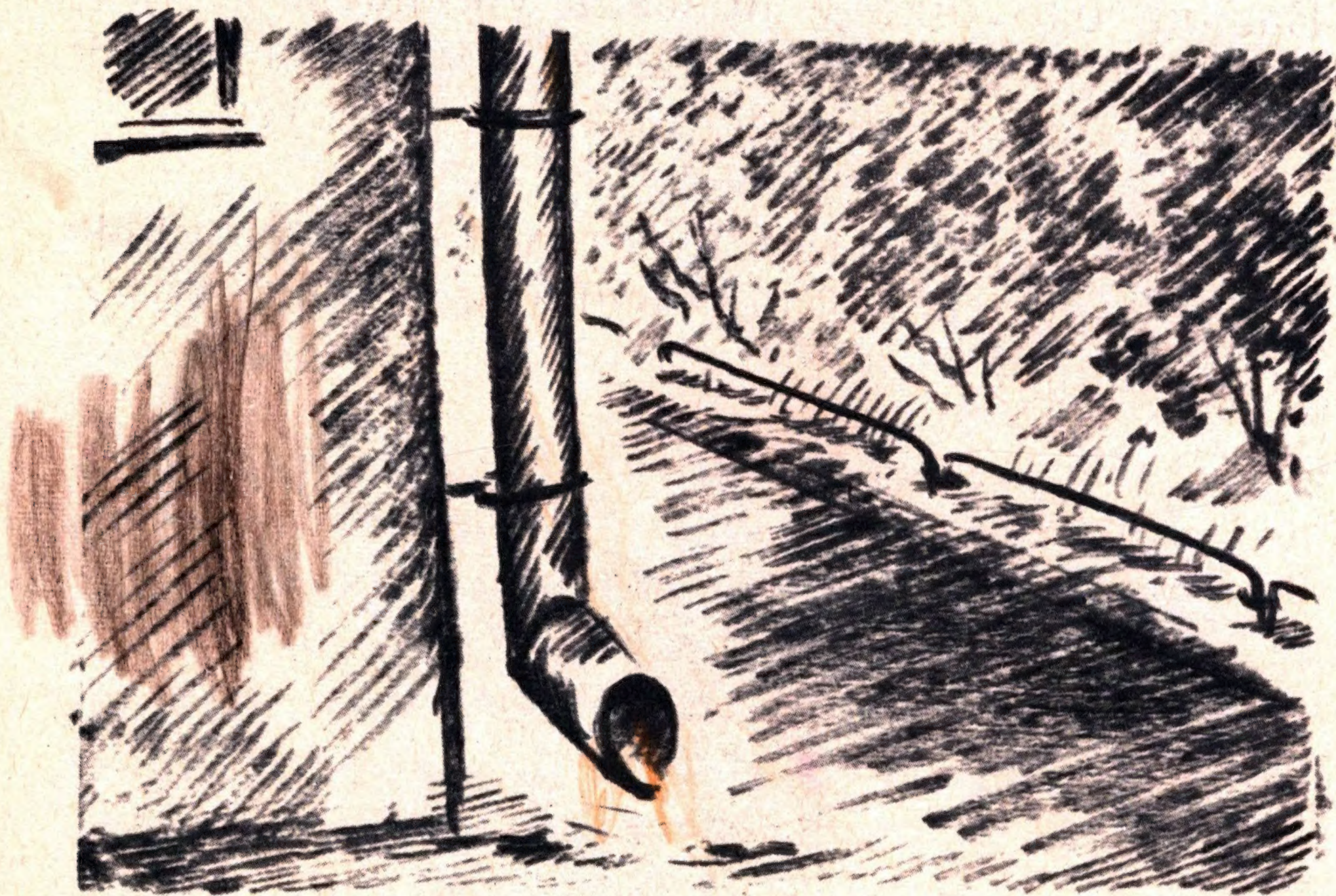
Всех ворон, каких мне в жизни доводилось видеть, звали Яшками. И эту звали Яшкой. Была она очень умная. Только что говорить не умела. А жила в школьном живом уголке и летала куда хотела.

— Яшка, — сказал Вася шёпотом. — Уби-

райся. А то меня найдут. Мне водить придётся.

Ворона сердито постучала клювом по железу и, захлопав крыльями, улетела.

Вася вздохнул и от нечего делать взглянул себе под ноги.

В трещине асфальта зеленел какой-то кругляшок.

Вася готов был дать самое честное октябратское слово, что здесь никогда раньше не было трещины, не впервой он за этой трубой прячется. А уж кругляшок и подавно сразу заметил бы!

Вася очень удивился, присел на корточки и только протянул руку, чтобы взять кругляшок, как тот уж оказался в его ладони. Словно бы ждал Васю и сам прыгнул.

Вася и про игру забыл. Стал находку рассматривать. Но тут в окно выглянула Васина бабушка и позвала ужинать.

Вася сунул кругляшок в карман и побежал домой, крикнув, как полагается:

— Чур, не играю!

А кругляшок так и остался лежать в кармане рядом с металлическими шариками от подшипника.

На другое утро Васю разбудило солнышко. Оно забралось в окно и стало считать веснушки на Васином носу.

Папа и мама уже ушли на работу.

Бабушка хлопотала на кухне. Варила манную кашу.

Вася быстро надел брюки, вельветовую курточку, ботинки и попробовал было потихоньку ускользнуть и от бабушки и от манной каши во двор — погулять. Но бабушка заметила его.

— Встал уже? — спросила она, не поворачивая головы.

Надо же! Без очков ни одной буквы в газете не разберёт, а всё видит!

— Ну, встал.

— А встал, так иди умойся.

Вася потоптался немного, потому что умываться не очень-то любил. Потом медленно побрёл в ванную. Там он вспомнил про вчерашнюю находку.

Кругляшок был тяжёленьким, шершавым и позеленевшим.

Вася сунул его в струю воды — отмыть. Брызги полетели во все стороны.

— Не балуй с водой! — сердито сказала бабушка на кухне.

„И всё-то она слышит“, — вздохнул Вася и стал умываться.

На кухне он покосился на манную кашу, которую не любил ещё больше, чем умывание, и протянул бабушке кругляшок.

— Во я какую штучку вчера нашёл!

— Ешь кашу. Ешь, ешь. А пока ты ешь, я твою штучку погляжу, — сказала бабушка, взяла у Васи кругляшок и водворила на носочки.

— Эге... Царский пяточок. Монетка.

— А почему она зелёная?

— А ты ешь, ешь... Это время на неё свои следы наложило. День за днём, год за годом, — тихо, немного нараспев сказала бабушка и вздохнула. — Вот она от времени и позеленела. Человек седеет. Медная монета зеленеет. Вот видишь, Васенька, на этой стороне царский герб — орёл с двумя головами.

— Не вижу, — сказал Вася.

— Ну, правильно. Я этого орла угадываю. Потому что в детстве такие монеты в руках держала. А на твоём пятаке время всё закрыло. Год за годом, день за днём. Человек морщинится, медная монета стирается, — снова вздохнула бабушка. — А ты ешь, ешь.

Вася, сам того не замечая, съел всю кашу.

— А теперь — делать уроки, — сказала бабушка и вернула Васе монету.

— А гулять?

— Потом и гулять пойдёшь.

Вася нехотя побрёл в комнату. Там он

высунулся в окно. Во дворе ребята играли в пятнашки.

„И что я за разнесчастный человек! Гулять — не пускают. Умываться — заставляют. Манную кашу — подсовывают“.

Васе стало жалко себя. И сами собой из

глаз его выкатились слёзы. Не солёные, не горькие, а пустые.

Одна слеза, самая крупная и самая пустая, сбежала по щеке и упала на старый пятак.

Шлёп!

И Васе вдруг показалось, что заплесневелый, потёртый орёл вздрогнул.

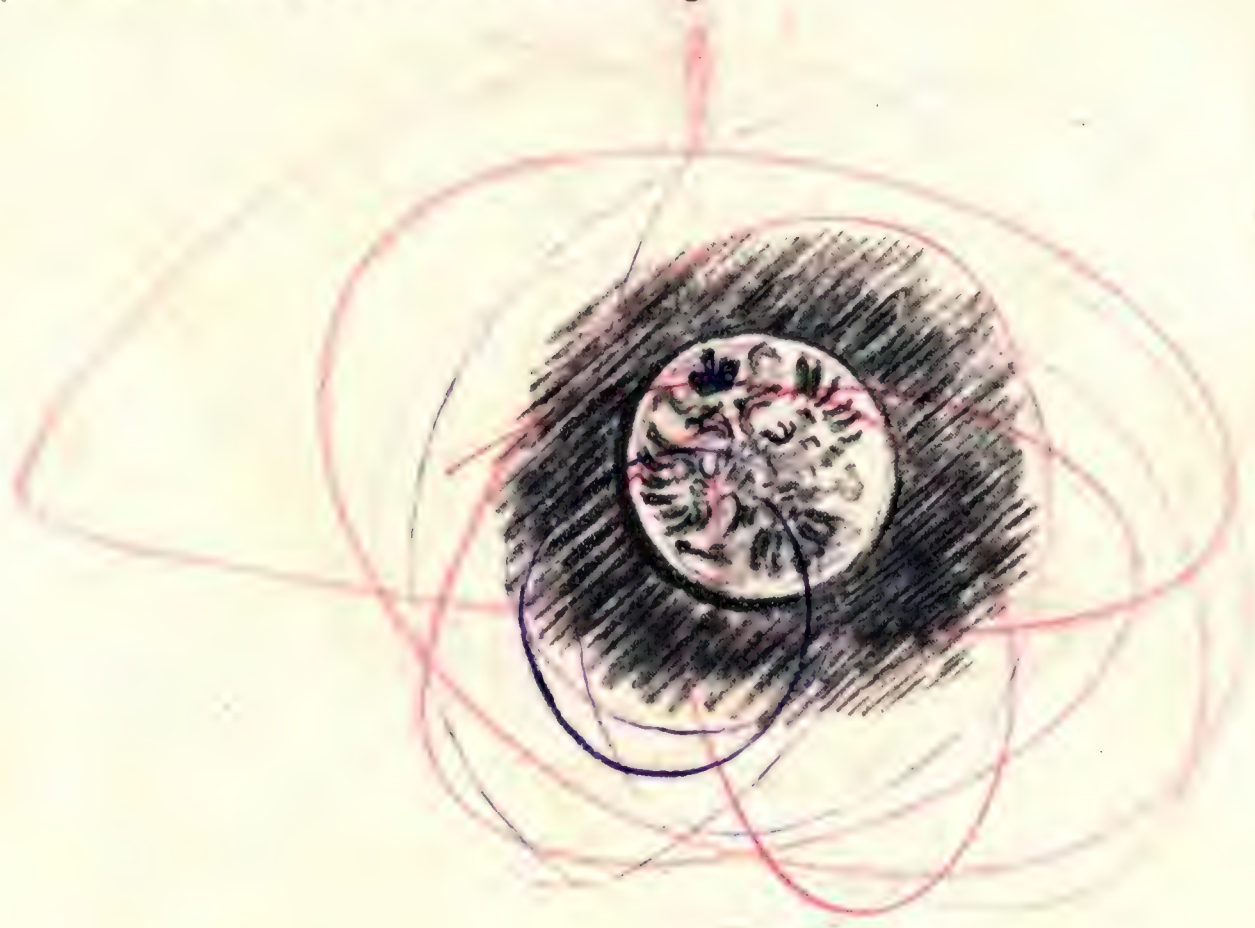
Не успел Вася удивиться, как по щеке сбежала другая точно такая же слеза и — шлёп! — тоже упала на монету.

Монета стала быстро светлеть.

Слёзы на Васиных глазах сразу же высохли. Пустые слёзы быстро сохнут.

А монета совсем посветлела, сверкнула, словно молния.

У Васи закружилась голова. Он закрыл глаза ладонью и, чтобы не упасть, прислонился к подоконнику.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вася знакомится
с Микой и выясняет,
куда он попал

Когда Вася открыл глаза, он увидел перед собой не окно, а поленницу дров. Откуда она взялась?

Вася потрогал дрова. Они были мокрыми. Вася поднял голову, чтобы взглянуть на потолок. Потолка не было! А было серое небо, и моросил дождик.

Вася потрянул головой. Сейчас всё исчезнет и он снова окажется дома, в комнате, возле окна.

Открыл глаза — небо и дождик остались. А вот комнаты не было. И дома не было. И двора.

Вася испугался. Куда же он попал? И как попал? Ведь он никуда из дому не уходил, бабушка не пустила.

В ладони зажато что-то твёрдое. Вася разжал пальцы. Монета. Блестящая, новенькая, с чётким двуглавым орлом.

Неподалёку скатилось полено. Вася вздрогнул. Огляделся. На соседней поленнице животом вниз лежал незнакомый мальчишка в странной высокой кепке со сломанным козырьком.

С минуту мальчишки смотрели друг на друга, не скрывая любопытства.

— Эй, мальчик, — окликнул его Вася, но

мальчишка быстро, как ящерка, исчез за поленницей.

Стало тихо. Только дождь накрапывал.

— Эй, мальчик, — повторил Вася, обращаясь к опустевшей поленнице. — Выходи, не бойся... Мальчик...

Над поленницей снова появилась кепка.

— Мальчик! — обрадовался Вася. — Ты не исчезай, пожалуйста. Скажи, где я? Понимаешь, ерунда какая-то! Вдруг дождик... Тебя как зовут?

— Минька, — голос у мальчишки был сиплый, простуженный.

— А меня — Вася. Слушай, Минька, а как я сюда попал?

Минька посопел:

— Пришёл, видать.

— Что ж, я с закрытыми глазами шёл? Как лунатик какой?

— Чево?

— „Чево, чево...“ — передразнил Вася. — Чего это у тебя на голове?

— Картуз.

— Картуз? — удивился Вася. Оглянулся и спросил: — А как это место называется?

— Автово, деревня.

— Автово?! — воскликнул Вася и рассер-

дился: — Да ты бывал когда в Автове? Там домища — во! В десять этажей! А дворы! Как сады. Болтун ты! Говори, как это место называется? А не то!.. — Вася грозно сжал кулаки.

Минька тотчас исчез за поленницей.

Вася испугался, что останется один в незнакомом месте.

— Минька! Я пошутил! Минька! Ты только скажи, как это место называется?

— Автово, — глухо раздалось из-за поленницы.

„Может, я уснул после каши? Может, сон снится?“ Вася ущипнул себя. Больно! А если бы только приснилось, что ущипнул, больно бы не было.

— Слушай, Минька, а город в этой деревне твоей есть?

Минька снова выглянул из-за поленницы.

— Есть...

— Ну и как же он называется?

— Санкт-Петербург.

— Чего-чего?

— Санкт-Петербург, говорю...

„Знакомое, вроде, название, — подумал Вася. — Знакомое...“ И тут же вспомнил: бабушка говорила, что так назывался Ленинград давно, ещё при царе. Да что этот Минька, издевается, что ли?

— А страна какая? — насмешливо спросил Вася.

— Чево?

— Страна, спрашиваю, какая? Ну, как называется?

— Российская империя. Россия, значит.

„Чудной какой-то мальчишка, — подумал Вася. — Мелет ерунду, а лицо серьёзное“.

— Минька, слезай ко мне. Поговорим.

Минька не двинулся.

— Да ты не бойся. Я тебя не трону. Я вообще никогда не дерусь.

— Ну да... — с сомнением выдохнул Минька.

— Честное октябратское!

— Чево?

— Честное октябратское, говорю.

— Побожись.

— Это как?

— Божиться не знаешь? — удивился Минька и сел на поленнице, свесив ноги.

Тут только Вася заметил, что Минька босой и штаны на нём широčenные, грубо обрезанные внизу. И синяя сатиновая рубашка тоже широčenная, висит на плечах, и поэтому рукава начинаются где-то возле локтей.

Вася невольно посмотрел на свою курточку, на ботинки.

И Минька рассматривал его, как диковинку.

— Ты где живёшь? — спросил Вася.

— Да здесь, в Автове ж!

Вася снова усмехнулся.

— А в каком доме?

— Эвон он, — Минька махнул рукой куда-то за спину.

— И не врёшь?

— Святой истинный крест, — сказал Минька и быстро перекрестился.

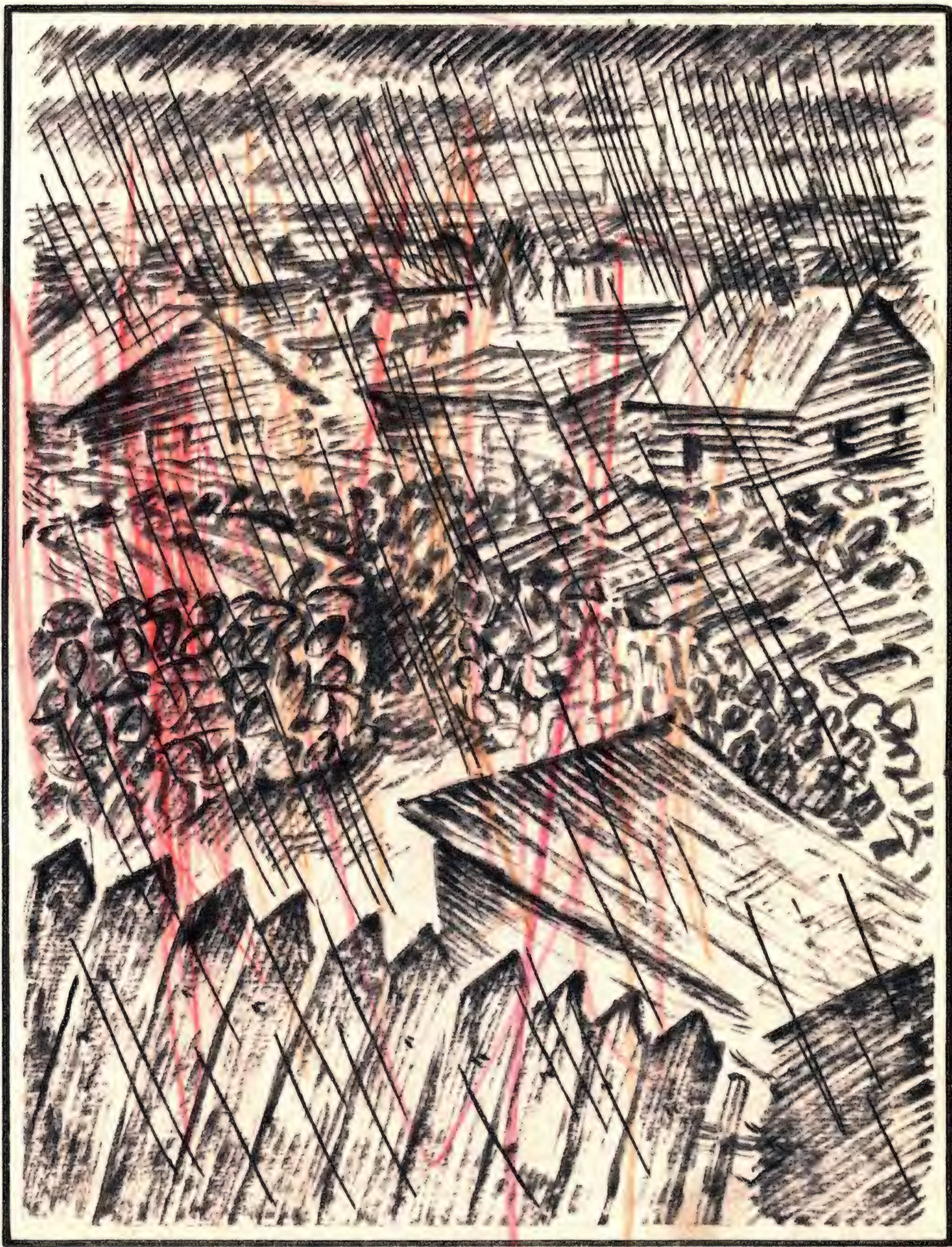
Вася только в кино видел, как крестятся, поэтому очень удивился. И тут же решил, что Минька тоже видел в кино, как крестятся, вот и пускает пыль в глаза.

Вася влез на поленницу и увидел ряд серых деревянных домиков с кирпичными трубами. Дым прибывало дождём к мокрой земле, к покосившимся заборам. У заборов зеленела молодая травка.

— Эва Автово, — пояснил Минька.

У Васи вдруг томительно сжалось сердце. И бабушка рассказывала, что Автово именно таким было раньше — маленькой грязной деревушкой с тёмными заборами и деревянными домами. Но ведь всё это было очень давно. Ещё при царе!

И неожиданно Васе в голову пришла странная и страшная мысль. Уж не попал ли

он каким-нибудь чудом в прошлое, царское время?

— Минька... Слушай, Минька, — сказал Вася чуть заикаясь, — а кто... сейчас Председатель Президиума Верховного Совета?

Минька вытаращил глаза. Он явно не понял вопроса.

— Ну, кто страной управляет?

Минька испуганно отпрянул и сказал почти шёпотом:

— Известно, царь.

— Царь? — повторил Вася упавшим голосом и посмотрел на пяточок, который всё время был зажат в ладони. Потом протянул его Миньке.

— Пятак! — обрадовался Минька. — Новенький!

— Не новенький, — жалобно произнёс Вася, но объяснять ничего не стал. Да и как объяснить, когда сам ещё не очень-то понял, что произошло?

— Минька, а какой сегодня день? — спросил Вася, всё ещё на что-то надеясь.

— Вторник.

— Да я не про то. Год какой?

— Год? Одна тысяча девятьсот седьмой.

— Просто седьмой?

— Одна тысяча девятьсот седьмой, — повторил Минька.

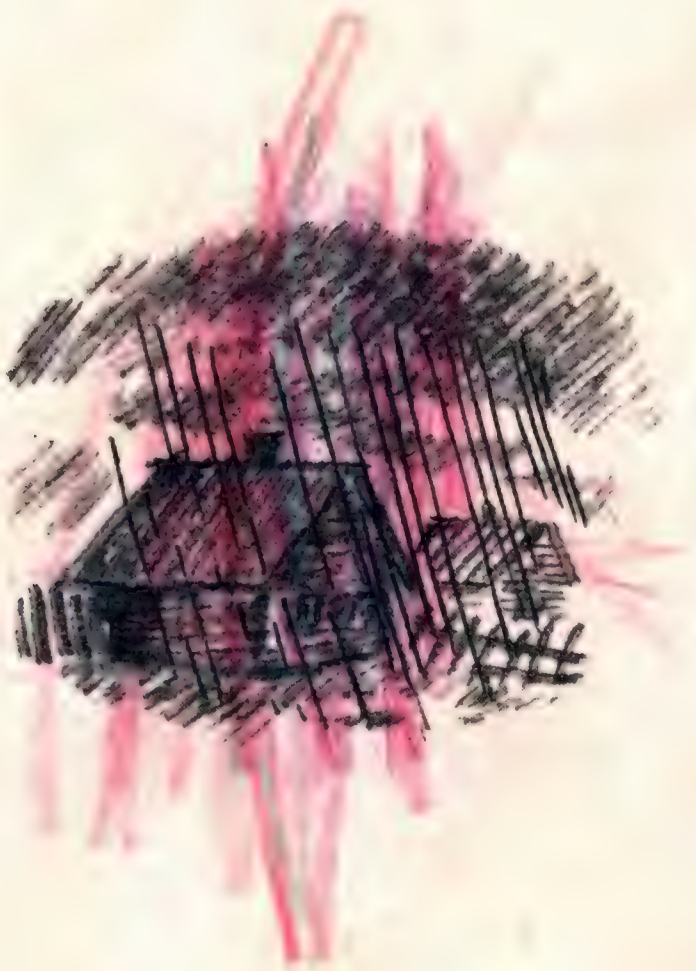
Вася посмотрел на пяточок. Под большой цифрой „5“ было выбито маленькое „1907“.

Значит, с ним, с Васей, произошло невероятное! Каким-то чудом он попал в прошлое. А ещё говорят — волшебства не бывает!

Вася снова взглянул на монету, и ему показалось, что головы орла щёлкнули клювами.

Вася даже зажмурился. И тут подумал о папе, о маме. Вспомнил бабушку. Школу. Товарищей. Вспомнил своё прекрасное Автово — то, настоящее, которое было. Или будет?

Защекотало в носу, и Вася отвернулся, чтобы Минька не видел навернувшиеся на глаза слёзы.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Голубы орла
преобладаются

— **М**инька, Ми-инька... — раздался за поленницами женский голос.

— Мамка кличет, — вздохнул Минька и спросил: — Не уйдёшь?

„Куда ж я пойду?“ — подумал Вася.

— Нет. Посижу тут.

— Посиди, — обрадовался Минька. — Я — мигом!

Минька убежал.

Вася присел на корточки и стал думать-гадать, как же теперь быть? Что делать?

Долго думал, даже глаза от напряжения закрылись, и он вроде бы задремал.

И тут Васе почудилось, будто у него в кулаке, где монета зажата, кто-то скребётся. Вроде жуков. Прижал Вася кулак к уху: хрруп, хрруп... И вроде бы голоса слышны. Один — хриплый, другой — сиплый.

— Э-ге-ге, сестрица, — произнёс хриплый голос. — Клянусь медью, из которой мы сделаны, нам везёт! Шестьдесят лет мы искали мальчишку с пустыми слезами. И нашли!

— Так-то оно так, — откликнулся сиплый. — Да только не совсем. Он капнул на нас всего две слезы. А надо — три. Только тогда мы останемся здесь, в нашем времени, навсегда.

— Он капнет, он капнет, капнул две — капнет и третью.

— Так-то оно так, да не совсем. А вдруг не заплачет?

— Заплачет! — уверенно сказал хриплый.

— Так-то оно так... А вдруг на нас слеза не капнет?

— Капнет!

— Так-то оно так... — протянул неуверенно сиплый. — А если он нас...

— Тс-с-с... Молчи, сестрица! Он никогда сам не догадается. И никто не научит, потому что никто про это не знает.

— Так-то оно так, да не совсем... Ворона знает.

— Ту ворону давно кошки съели! Солнце кости в пыль превратило, ветер перья по миру разметал! Шестьдесят лет прошло!

— Так-то оно так. Да не совсем. А вдруг та ворона жива?

— Всё равно она по-человечьи не говорит, а мальчишка по-вороньему не понимает! Хе-хе-хе! Клянусь медью, из которой мы сделаны, капнет на нас третья слеза!

— Так-то оно так... — прохрипел второй голос. — А вдруг мальчишка нас перехитрит?

— Никогда! У него одна голова, а нас — две! Он всего-навсего обыкновенный маль-

чишка, а мы — головы Орла Российской империи!

— Так-то оно так... Но он ведь тоже не простой... Какой-то ок... ок... октябрёнок!

— Ерунда! Наши самые старшие сёстры сидят на спинке царского трона и нашёптывают царю царские мысли! А где его старшие сёстры? Мальчишка капнет на нас третью слезу и останется вместе с нами в нашем времени! Клянусь медью, из которой мы сделаны.

Вася осторожноенько раздвинул пальцы, чтобы посмотреть, кто это разговаривает.

На монете головы орла были друг к другу повернуты. Но как только на них упал луч света, быстро отвернулись друг от друга и замерли, как ни в чём не бывало.

Вот оно что! „Клянусь медью, из которой мы сделаны...“ Значит, разговаривали головы орла на монете!

Васе даже жутко стало. Вот он сидит здесь один, а кругом только мокрые дрова. И дом, в котором он живёт, ещё не построен. И школы, в которой учится, ещё нет. И никто из его друзей ещё не родился. И, наверно, где-нибудь живёт маленькая девочка, которая через шестьдесят лет будет его бабушкой... Через шестьдесят лет!

И орёл на монете ждёт, чтобы на него

капнула третья слеза. Тогда и он, Вася, останется в этом времени навсегда!

Лучше бросить, бросить эту проклятую монету! Зашвырнуть её подальше — и дело с концом!

Вася изо всей силы швырнул монету. Она блеснула над дровами и исчезла за поленницей.

И только тогда Вася подумал: а как же он вернётся обратно в свой 1967 год? Может быть, и вернуться можно только с помощью монеты, из-за которой он попал в прошлое?

У Васи похолодело сердце.

Найти! Отыскать монету!

Он перебрался через поленницу и, ползая на коленях, стал искать монету. Долго искал. Монета не находилась.

Отчаявшись, Вася снова влез на поленницу. И в это мгновение увидел Миньку.

Тот вышел из калитки с куском хлеба в руках и уселся на лавочке возле дома. В Васину сторону даже не посмотрел.

„Что ж это он? Обещал скоро вернуться, а сам...“

Вася окликнул Миньку.

Минька увидел его и сперва очень удивился, а потом заулыбался.

— Во, понимаешь, забыл про тебя! Совсем.

Будто тебя и не было. Вот ведь! — он покачал головой и снова посмотрел на Васю. — Чудно!

А ведь в том, что Минька забыл про Васю, ничего удивительного не было. Вася был из будущего, а помнить можно только прошлое.

Минька поделился с Васей хлебом, и они уселись на дровах.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Минька с трудом верит
Васе, а ворона открывает
тайну двуглавого орла

Ты чего такой грустный? — спросил Минька.

— Пятачок обронил... Бросил... Вон там...

— Жаль пяточка! — сказал Минька.

Вася только вздохнул и отвернулся.

— Давай вместе поищем, — предложил Минька.

Они стали искать вдвоём. Но так ничего и не нашли.

— Ладно, — сказал Минька, стараясь подбодрить вконец огорчённого Васю. — Подумаешь, пяточок! Вот если бы двугривенный затерялся или полтинник!

— Эх, Минька! Если бы он был простым пяточком! А то ведь он — волшебный! — Вася впервые произнёс это слово вслух, и оно прозвучало необычно таинственно. — Может, мне без этого пяточка и домой не попасть.

Услышав про то, что пяточок волшебный, Минька только усмехнулся. Не очень-то он верил в волшебство, ничего волшебного в его жизни не происходило.

— Не веришь, — вздохнул Вася. — Я и сам не поверил бы, если бы мне рассказали. Ну вот скажи, в каком году я родился?

Минька задумчиво пошевелил губами, потом ответил:

— В одна тысяча девяносто восьмом или в девяносто девятом.

— Э-хе-хе, — вздохнул Вася, точь-в-точь как вздыхала бабушка, вспоминая свои молодые годы. — То-то и оно, что родился я в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году.

Минька снова пошевелил губами, что-то подсчитывая, и сказал:

— Ври, да не завирайся. Выходит, ты ещё не родился.

— Так и выходит, — вздохнул Вася и стал рассказывать Миньке о том, как нашёл монету с двуглавым орлом, как жил до этой проклятой находки. И какой у них большой дом, и какая добрая у него бабушка, которая варит самую вкусную на свете манную кашу! Словом, всё-всё про свою прошлую жизнь в будущем.

Минькин рот не закрывался от удивления, словно он не переставая ахал: „Ах, ах, ах...“ „Верить или не верить? Дома здесь большие стоять будут, — Минька огляделся по сторонам. — А что? Если построить, будут стоять. И сады посадить — цвести будут. Только чудно всё-таки, как же так: ни бедных, ни богатых — все равны. У одного полтинник — так всем полтинники дадут? Или тот полтинник на всех разделят?... Чудно!.. Вот оно какое волшебство бывает!.. Пропала Васина

монета. Жаль. Может, и он, Минька, при той монете заглянул бы в то Автово, про которое Вася рассказывал? Может, и с ним что волшебное случилось бы?"

Миньке стало жалко Васю.

— Ты посиди, — сказал он тихо. — Я тебе ещё хлеба принесу.

И только он скрылся, над Васей зашуршали крылья — и на поленницу села седая ворона. Точь-в-точь Яшка. В клюве она держала новенькую монету.

Вася даже не удивился. Уж попал в сказку, так держись!

— Мой пяточок? — обрадовался он.

Ворона кивнула, пяточок упал и по щечкам подкатился к самым Васиным ногам.

— Спасибо, ворона. Очень ты похожа на Яшку. — Вася вспомнил, что и головы орла говорили о какой-то вороне, вздохнул и сказал: — Жаль, что ты по-человечьи не умеешь говорить.

— Кар-р-р... Крра... — сказала Ворона.

— И я по-вороньему не умею.

Ворона прыгнула, расчистила лапками клочок земли и, водя по ней чёрным блестящим клювом, аккуратным ученическим почерком, как первоклассник, вывела:

Пополам раз...

Но тут над поленницей показался Минька,

, не успев дописать слово, хлоп-
тнями и взлетела.

протянул Васе кусок хлеба.

ся хлеб жевать и думать, что же

„пополам раз“?

увидел написанное.

?

раз... раз... разделить!

.

! — сообразил

ола!

кар-

и-

.

пал. Минька, как бы монету пополам разломить?

— И что тогда?

— Тогда я, наверно, домой попаду.

Вася ухватил монету пальцами, надавил, закричал. Пальцы побелели от натуги. А монета какой была, такой и осталась.

— Не выйдет, — сказал Минька, — тут силища знаешь какая нужна!

Вася утёр пот со лба:

— Где ж я её возьму, силищу?

— Постой! Я одного знаю! У них мамка бельё стирает. Здоровенный, как бык! Купеческий сын. За один присест на спор целую свинью съедает, с костями вместе. И чаю трёхведёрный самовар выпивает на закуску. Он разломить сможет. Если захочет. Айда!

— Надо подкрепиться, — сказал он и крикнул: — Эй, кто там! Каши!

И тотчас две девушки-прислуги поставили перед ним огромный котёл с кашей, целый каравай хлеба и поварёшку.

Вася с Минькой и переглянуться удивлённо не успели, как котёл оказался пустым, а Купеческий сын уже облизывал поварёшку, стряхивал со скатерти хлебные крошки и отправлял себе в рот.

— Сейчас я её поломаю, — сказал он и взял со стола монету.

Надулся Купеческий сын, закричал, запыхтел, чуть не надорвался, а так ничего и не смог поделаться с монетой. Даже не согнул.

— Что она у вас, заколдованная? — рассердился он. — Я одной рукой десять пудов подымаю. Я за копейку одним щелчком человека могу убить! Я пол-аршина сукна в аршин вытягиваю! А тут пятака не сломать! Да вы кто такие? А может, вы воры? Может, вы этот пятак у меня украли! Крепче моих денег ни у кого не сыщешь! Значит, и этот пятак — мой.

— И вовсе он не ваш, — сказал Вася. — Это мой пятак. Отдайте.

— Ишь какой быстрый! У купца денежку хочет отнять!

— Отдайте! — настойчиво повторил Вася.

— Эй, кто там! — крикнул Купеческий сын. — Зовите городского.

— Ну его! — сердито шепнул Минька. — Пойдём отсюда. А то и верно городской придёт, ф-фараон!

— Не пойду, — сказал Вася. — Моя монета, и я без неё не уйду!

В дверях появился Городовой. Краснолицый, сивоусый, в чёрной шинели, с шашкой на боку.

— Ага, ага, — обрадовался Купеческий сын. — Вот он, заступничек наш, вот он, его благородие господин Городовой пожаловал!

— Чего случилось, господин Купецкий сын? — спросил Городовой густым голосом и вытер пышные сивые усы.

— А вот эти два маленьких вора хотели мой пятак украсть, — сказал Купеческий сын ехидно.

— Врёт он! — крикнул Минька. — Мы ему пятак дали, разломить. А он не смог. Вот и злится и пятак не отдаёт!

— Слышали, господин Городовой! Чтобы я не мог пятака разломить!

— Да это ж курам на смех, — сказал Городовой и засмеялся.

— Хватайте их, — промурлыкал Купеческий

сын. — Проучите их. Чтобы в другой раз не крали у честных людей пятаки!

— Да врёт он всё! — крикнул Минька.

— Я те дам „врёт“, — гаркнул Городовой и стукнул Миньку по затылку.

Тут Вася не выдержал: за что Городовой ударил Миньку?

Вспомнил Вася, как однажды какой-то прохожий толкнул его приятеля Вову. Так того прохожего в милицию повели! В два счёта! Нельзя людей обижать! А тем более маленьких!

— И не стыдно? — сказал Вася, строго глядя на Городового. — Ведь взрослый человек, а мальчика ни за что ударили!

Городовой так удивился, что даже посинел.

— Отведём вас куда надо, будете знать, как драться! — запальчиво крикнул Вася.

Городовой часто-часто заморгал. Потом вытянулся и гаркнул:

— Рад стараться! — Но сообразил, что перед ним всего-навсего мальчишка, и из синего стал лиловым: — Эт-то что такое!

— Ага! — обрадовался Купеческий сын. — Хватайте их, они воры, разбойники! Пятак мой украли!

— Давайте сюда пятак, — сказал Городовой. — Как вещественное доказательство.

Купеческий сын отдал ему пятак, порылся в кармане и достал оттуда серебряный рубль.

— А это вам за беспокойство, — сказал он. — И построже с ними, с разбойниками!

— Рад стараться! — гаркнул Городовой, пряча рубль, и спросил: — Которого хватать?

— Обоих.

— Рубля мало... — сказал Городовой.

— Тогда хватай этого, — Купеческий сын ткнул пальцем в Васю, — пятак у него был.

Схватил Городовой Васю и повёл в полицейскую часть.

А Купеческий сын вдруг почувствовал голод и крикнул:

— Эй, кто там! Тащите мне каши!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

БАНКЕТ

ФОТОГРАФИЯ

Полцейский пристав
бьёт муж, а Васю
сажают в холодную

Привёл, ваше благородие, вора, — сказал Городовой, — Он у Купецкого сына пятак украл. Вот этот, — и Городовой положил пятак на стол перед полицейским приставом.

Пристав молча взял мухобойку и — бац! — убил муху на краю стола.

— Семьдесят первая, — объявил он и повернулся к Васе: — Значит, украл?

— Это неправда, — сказал Вася. — Я ему дал сломать.

— Зачем?

— Просто так, — ответил Вася.

— Гм... Как это так, просто так? — спросил Пристав. — Кто ж это будет просто так пятаки раздавать?

— Ещё он говорит, что Купецкий сын, ваше благородие, пятака не смог сломать!

— Ха-ха-ха, — засмеялся было Пристав, но увидел на стене муху, схватил мухобойку, на цыпочках подошёл к стене и... бац! — Семьдесят вторая. Обыскивали?

— Никак нет! — рявкнул городовой.

— Обыскать!

— Слушаюсь! — Городовой вывернул Васины карманы.

На ладонь его вывалились металлические шарики.

Пристав взял тяжёлый блестящий шарик, повертел его в пальцах — никогда не видел такого.

— Так вот, мальчик, за кражу этого пятака, — он указал мухобойкой на Васину волшебную монету, лежавшую на столе, — я велю посадить тебя в холодную.

— Не крал я ничего, — сказал Вася.

— Всякий, если ещё не украл, то когда-нибудь непременно украдёт! Честных людей не бывает! Любого сажай в холодную — не ошибёшься! — Пристав протянул руку, зажал пальцами Васино ухо: — Признавайся, мальчик!

Больно было Васе. На глазах проступили слёзы. Он часто-часто заморгал.

Головы орла на монете дружно щёлкнули клювами: сейчас мальчишка заплачет.

Вася прикусил губу: не плакать! А шеи орлов так и вытянулись: ну же, ну, капай слезу.

Стерпел Вася боль, сдержался, взглянул Приставу прямо в глаза:

— Это не я у Купеческого сына, а он у меня хотел украсть пятачок! Я ему дал, чтобы он разломил.

Пристав отпустил Васино ухо и сказал хвастливо:

— Когда-то и я ломал пятаки!

— Так точно! — рявкнул Городовой.

Пристав взял пятак, положил его на край

стола и нажал. Пятак даже не погнулся. Пристав нажал изо всех сил. Безрезультатно.

— Пятак фальшивый! — сказал он. — Получается, что ты или украл его, или сделал фальшивую монету. Сейчас мы составим протокол! Как твоя фамилия?

— Сомов Вася.

Пристава внимательно посмотрел на Васю, и неожиданно губы его расползлись в улыбке:

— Уж не генерала ли Сомова сынок?

Васе даже стало смешно. Взять да и сказать, что этого самого генерала сынок. Вот переполох поднимется! „Ваше благородие“, видать, боится генерала! А ещё кричит, других пугает!

— Мой папа никакой не генерал! — отчётливо сказал Вася. — Мой папа — знатный токарь на тракторном заводе!

— Гмм... Такого завода нет!

— Будет, — сказал Вася.

Пристава нахмурился.

— Объявляю пятак фальшивым и украденным! — сказал он. — В холодную мальчишку!

Городовой схватил Васю за шиворот и поволок его по коридору. Открыл скрипучую дверь, впихнул Васю в полутёмный подвал, а сам вернулся к Приставу.

— Тебе что, Филимоныч?

Городовой потоптался на месте.

— Виноват, ваше благородие. Зачем-то шёл, да запамятовал. Дозвольте идти?

— Иди, Филимоныч.

Городовой ушёл.

А пристав уставился на металлические шарики и медный пятак, лежащие перед ним на столе.

„Откуда всё это здесь очутилось?“

Он посидел немного, потом смахнул ладонью в ящик стола и шарики, и монету. Увидел на стене муху и схватил мухобойку.

И городовой, и пристав про Васю забыли. Ведь он был из будущего, а помнить можно только прошлое.

Один Минька не забывал Васю, потому что знал тайну медной монеты и очень хотел Васе помочь. Он сидел на каменной тумбе против полицейского участка и думал, как бы выручить товарища.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Головы орла не теряют
надежды, а Васа надувает
городовых

В темноте ящика орлиные головы замотались на тонких шеях.

— Мальчишку в холодную повели. Ему там, наверно, страшно. Он там, наверно, плачет. А мы здесь, — сказала сипло левая.

— Так-то оно так, да не совсем, — прохрипела правая. — А может, он и не плачет. Или плачет, да не пустыми слезами.

— Помолчи, — сердито сказала левая. — Вечно ты во всём сомневаешься! Надо выбираться из этого ящика. Надо — к мальчишке...

— Так-то оно так... — начала было правая, но левая клюнула её, и они замолчали.

Монета подкатилась тихонько к углу ящика, и головы увидели щель. Щель была узкой.

— Надо пролезть, — сипнула левая.

— Так-то оно так... — начала было правая, но левая снова клюнула её.

Они поставили монету на ребро, сунули её в щель и свалились на пол.

Пристав услышал, как что-то брякнуло, заглянул под стол, но ничего там не увидел. Монета уже откатилась к двери.

Тем временем Вася сидел на голых дощатых нарах.

Что же дальше будет? Может, Минька догадается, что его посадили в холодную, и как-нибудь выручит? А если не догадается? Или не сможет выручить? Так и придётся сидеть в этой холодной?

Жутко Васе стало. Он съёжился совсем в комочек и заплакал. Теперь уж что! Теперь плакать можно, монеты-то нет!

А монета лежала по ту сторону обитой железом двери. Головы орла слышали, как всхлипывает Вася, и сами чуть не плакали от досады. Бились головами об обитую железом дверь и зло скрипели клювами.

Звякнул засов. Дверь отворилась, вошли двое городских.

— А это что за гусь? — спросил один городской.

Второй взглянул на бумаги, которые держал в руках, пожал плечами.

— По списку не числится.

„Надо их перехитрить“, — подумал Вася, поднял голову, сдвинул брови, посмотрел грозно на городских да как крикнет:

— Что значит гусь? Кто тут гусь? Я — гусь? А я вот вовсе не гусь! Я — октябрёнок! Понятно? Ок-тя-брё-нок! — отчётливо повторил он.

Городовые растерянно заморгали глазами. Ведь они не знали, что такое октябрёнок.

И подумали, что это, должно быть, какое-нибудь важное, сердитое начальство.

А Вася неожиданно вспомнил, как командуют войсками на парадах, и закричал:

— Смир-но! К торжественному маршу,

поротно, первая рота прямо, остальные напра-во! Шагом марш!

И зашагал к двери.

Городовые только и успели испуганно вытянуться и отдать честь.

Вася переступил порог холодной и заме-

тил на полу свою новенькую медную монету. Она, тоненько позванивая, нетерпеливо вертелась на месте. Вася нагнулся, словно бы ботинок зашнуровать, и тотчас монета прыгнула в его ладонь.

Когда Вася вышел на улицу, ветер разогнал серые тучи, и в голубом „окне“ показалось яркое весеннее солнце.

Вася зажмурился.

— О-о! Вася! — крикнул неподалёку знакомый голос. И Вася увидел Миньку.

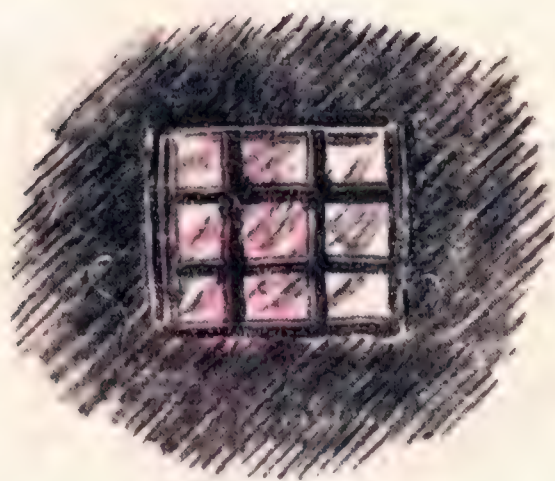
— Вася! — Минька улыбался. — А я всё хожу. Всё думаю, как бы ф-фараонов надуть!

— Я их надул, ф-фараонов, — улыбнулся Вася.

— Тогда пошли скорее к Генералу.

— К какому Генералу?

— Я узнал: у него, у того Генерала, — сила. Войска! Может, он пятак разломит?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Генерал мапрасно шумит

Генерал жил в особняке, на улице, мощённой тесаным камнем. Возле парадного стояли на карауле рослые солдаты. Сверкали штыки.

Минька и Вася остановились на противоположной стороне улицы.

— Эх, не пустят к генералу, — сказал Минька. — И никакой хитростью солдат не перехитрить.

— Я попробую.

Вася подошёл к парадному.

Солдаты скрестили перед ним винтовки.

— Хода нет.

— Я — сын генерала Сомова. Иду к вашему Генералу по делу, — сказал Вася важно.

Солдаты переглянулись и пропустили.

Вошёл Вася в особняк. А там народу!... Офицеры шпорами звенят. Слуги туфлями шаркают. Женщины шёлковыми платьями шуршат.

На Васю никто и внимания не обратил.

„Надо бы спросить, который тут Генерал“, — решил Вася, подошёл к одному офицеру с золотыми шнурками на груди, а как обратиться — не знает. То ли дело у нас: товарищ лейтенант, товарищ майор или товарищ маршал! А тут... Вспомнил Вася, что

городовой называл пристава вашим благородием.

— Здравствуйте, ваше благородие.

— Я не просто благородие. Я — высокоблагородие! — сердито сказал офицер. — Не видите разве, что я полковник!

— Извините, высокоблагородие, — сказал Вася, — погоны очень высоко. Не разглядеть. Скажите, пожалуйста, где найти Генерала?

— Гм... А вы кто ж будете?

— Я — сын генерала Сомова.

— Его высокопревосходительство господин Генерал у себя в кабинете. Третья комната направо, пятая дверь налево! — и полковник звякнул шпорами.

Прошёл Вася одну комнату, другую, третью. Отыскал пятую дверь налево. Постучал. За дверью кто-то как зарычит:

— Р-р-ракалии, каналии!

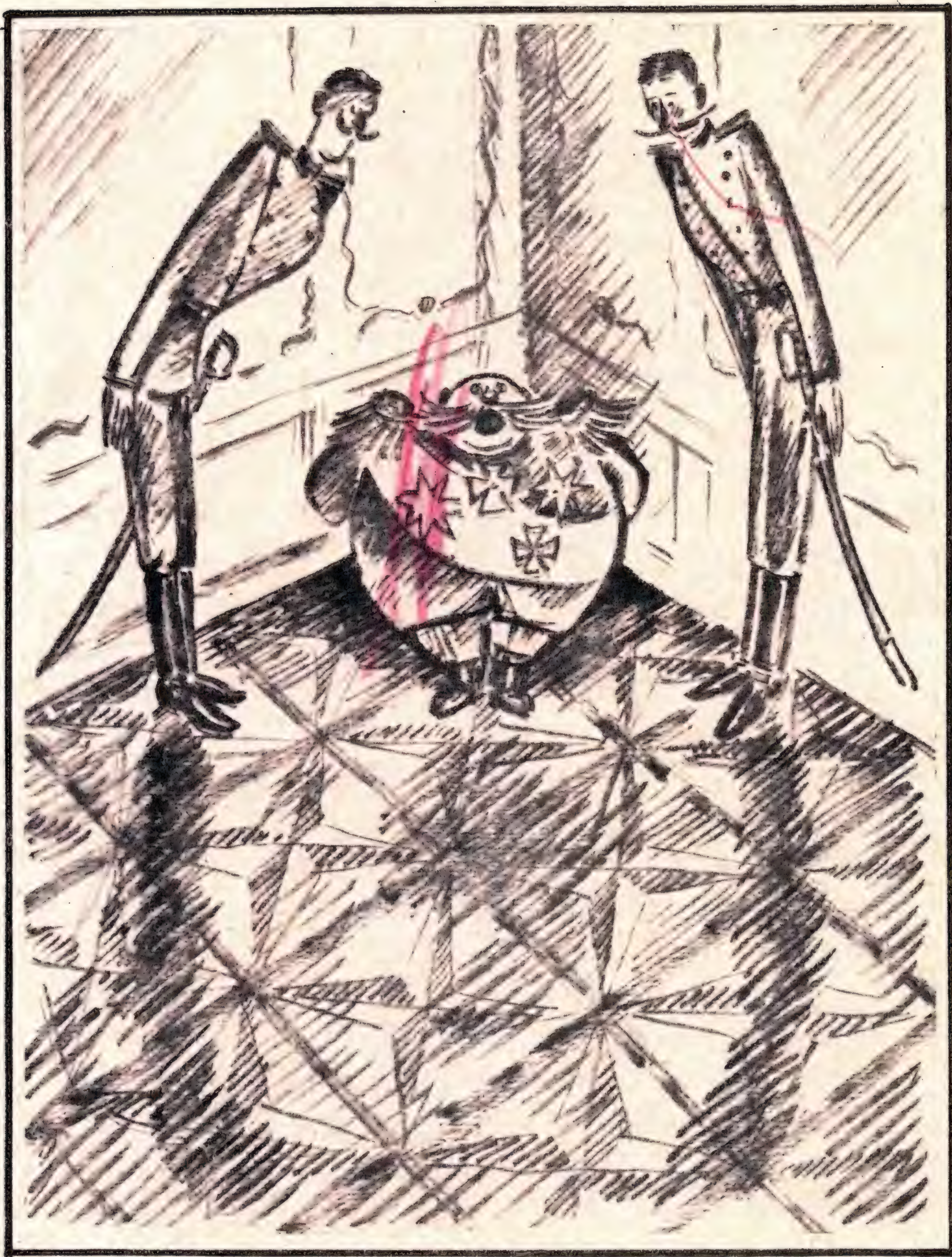
Испугался Вася. Входить или не входить? А может, тот, кто рычит, и кусается? Да раздумывать особенно некогда, надо монету пополам разломить.

Толкнул дверь. А за дверью — пусто.

Вдруг кто-то в углу как гаркнет:

— На кар-раул! Крр-ру-гом! Ать, два!

Вздрогнул Вася, поглядел в угол и увидел маленького человечка в расшитом мундирчике.

— З-здравствуйте, — сказал Вася вежливо. — Я ищу его вы-со-ко-пре... пре... предупредительство...

— Превосходительство, — прогремел человек.

— Да, — согласился Вася. — Генерала.

— Я — Генерал! — гаркнул человек.

— Вы Генерал? — удивился Вася.

— Ррракалии! Каналии! Подать мои р-ре-галии! — закричал человек так громко, что зазвенели стеклянные висюльки на люстре.

В комнату вбежали два адъютанта и с немыслимой быстротой обвешали грудь и живот человека сверкающими крестами и звёздами.

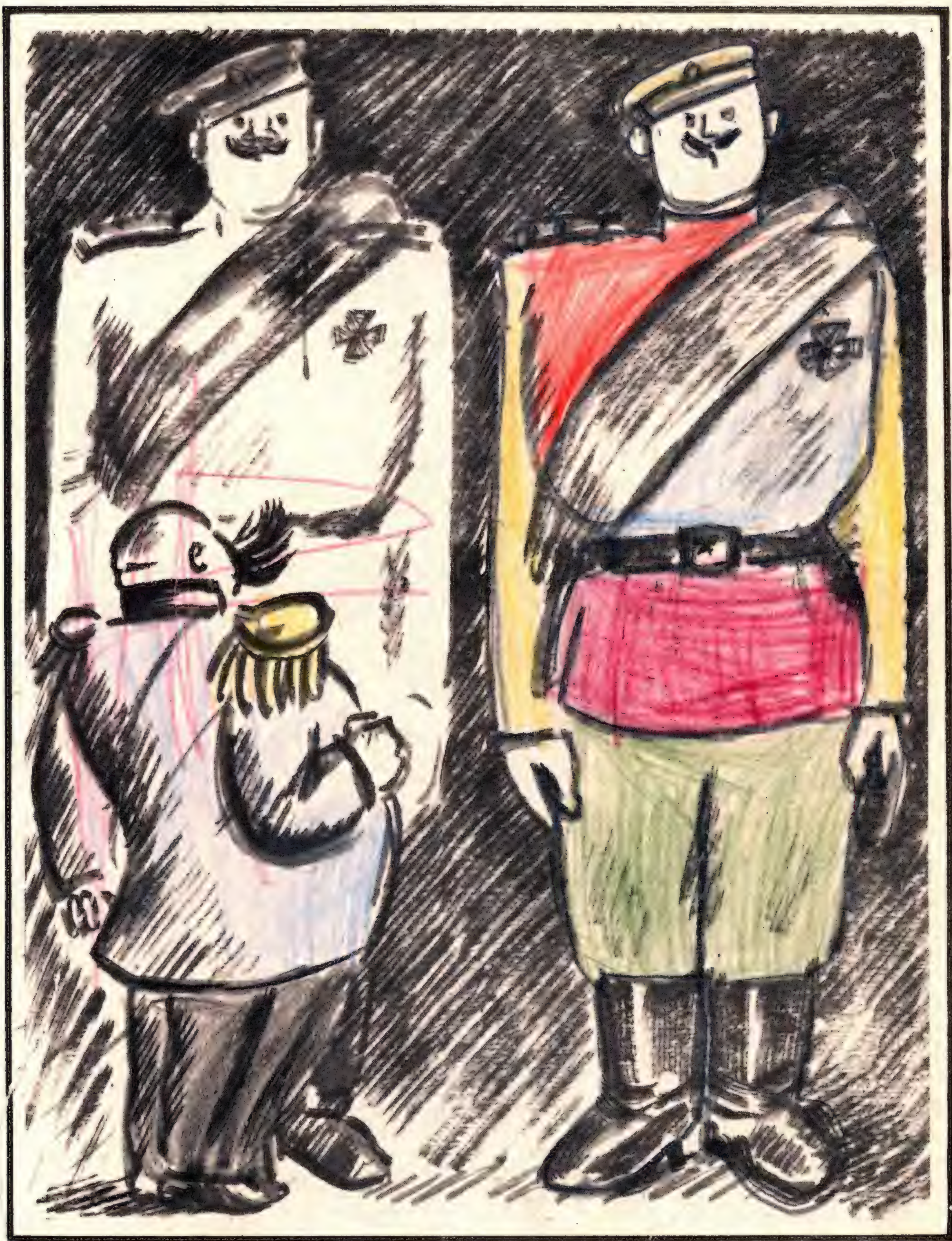
— Я — Генерал, — прогремел он.

— Мне очень надо разломить вот этот пяточок! — сказал Вася и достал из кармана монету. Орёл на ней так и задёргался, так и потянулся к генеральскому мундиру, потому что на пуговицах и звёздах тоже были двуглавые орлы.

— Кто вы такой, сударь, что обращаетесь ко мне с просьбой! — сердито прорычал Генерал.

— Я — сын генерала Сомова. Папа просил непременно разломить. Он сказал, что у вас — сила. Войска.

— И у него войска, — сказал Генерал.

— У вас... больше, у вас — сильнее.

— Так ваш папа и сказал?

— Так и сказал.

Генерал выпятил грудь и прозвенел крестами и звёздами.

— Хорошо. Я исполню его просьбу. Эй! Пракалии, каналии! — закричал он, и стёкла на окнах задребезжали. — Позвать сюда моих самых сильных солдат!

Вошли в комнату два здоровенных солдата.

— Слушать пр-риказ! — гаркнул Генерал. — Р-р-разломить пятак пополам!

— Рады стараться, ваш-сог-дит-ство! — прокричали в ответ солдаты.

Взяли они у Васи пятак, ухватились каждый за свой край и давай ломать!

Вася даже глаза зажмурил! Этакая у солдат силища!

А солдаты бледнели, краснели, жилы на их шеях вздулись.

— Сломали? — спросил Генерал.

— Никак нет, ваш-сог-дит-ство! Пятак не ломается!

Рассердился Генерал, соскочил со стула, затопал ножками, зазвенел крестами и звёздами!

— Кр-ру-гом! В Сибирь, на катор-р-ргу, шагом марш!

— За что ж вы их на каторгу? — спросил Вася. — Может, этот пяточок волшебный?

— Ах вот как? Волшебный? Значит, ты это нарочно подстроил, чтобы меня опозорить? — закричал Генерал. — Ах ты такой-сякой, немазанный! Да как ты смеешь! Меня, царского Генерала, позорить! Да я тебя упеку!

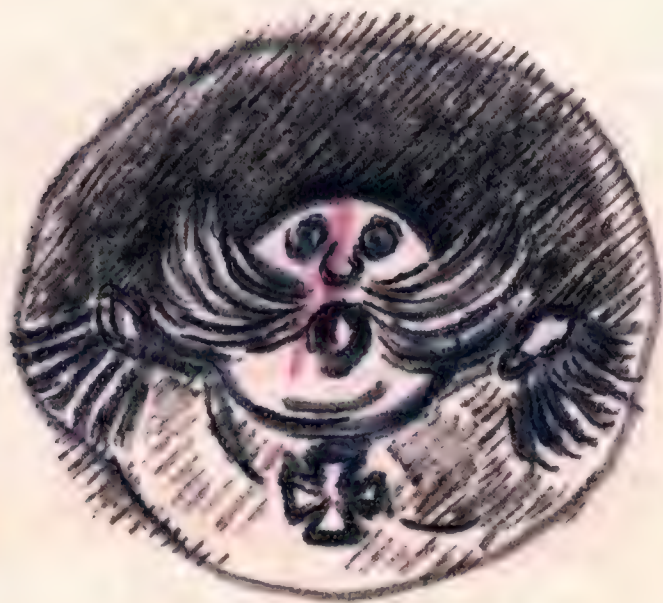
Вася схватил монету, сунул её в карман и — к двери. Мимо окаменевших от генеральского крика офицеров. Мимо штатских, с выпученными от страха глазами. Мимо падающих в обмороки женщин.

Выбежал Вася на улицу, схватил Миньку за руку и — в ближайший переулок.

Там, почувствовав себя в безопасности, он рассказал Миньке про Генерала и про свою неудачу.

Минька подумал немного, покачал головой и сказал шёпотом:

— Надо к царю пробираться. Он — надо всеми. У него — вся сила.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Минька

Вася и Минька
встречаются с царём

Царский Зимний дворец стоял на том же месте, где и теперь стоит. Одной стороной — на Дворцовую площадь, другой — на реку Неву. Только улицы возле него были вымощены деревянными шестиугольниками — торцами.

— Вход с набережной — сказал Вася. Это точно знаю. У нас там касса. Музей.

— Музей?..

— Ну, где картины всякие, статуи, мумии, оружие. Я здесь одну саблю видел. Во сабелька! На клинке узоры золотые, а сама серебряная.

— Как это ты мог здесь сабельку видеть? — усомнился Минька. — Здесь — дворец. Здесь сам царь живёт!

— А у нас здесь музей, „Эрмитаж“ называется. И всех пускают. Иди смотри.

— А царь где ж?

— Нету царя. Прогнали. И Генерала прогнали, и купца твоего, — громко сказал Вася.

— Тс-с... — зашипел Минька и покосился на постового Городового. — За такие слова опять в холодную посадят. Лучше давай думать, как во дворец пробраться. Туда, слышь, ни живой души не пускают.

Думали они, думали, так ничего и не при-

думали. А между прочим, уже постовой Городовой начал на них коситься.

Вдруг слышат — цок-цок, цок-цок — по деревянной мостовой трусит пара лошадей с мохнатыми ногами, тянет крытый фургон. А на фургоне нарисованы всякие овощи. А над овощами надпись:

*„Зеленные товары и торговля заморскими фруктами.
Кучкинъ и К°. Поставщикъ двора“.*

— А что это: „поставщик двора“? — спросил Вася.

— Значит, самому царю на двор поставляет.

— Самому царю? — переспросил Вася и предложил: — Давай заберёмся в овощной фургон. И проедем мимо стражи прямо во дворец. А там уж поищем царя!

— Давай, — обрадовался Минька.

Они догнали фургон и, подтянувшись на руках, перелезли через задний борт.

В фургоне навалом лежали большие хрусткие кочаны капусты.

Когда фургон остановился у дворцовых ворот, Вася и Минька притаились. В фургон заглянул сторожевой солдат, но принял мальчишечьи головы за кочаны капусты.

Потом фургон затрясло, и вскоре он снова остановился.

Вася осторожно выглянул наружу. Во дворе никого не было.

— Слезай, — шепнул он Миньке. — Приехали.

Тут появились кухонные мужики. Стали фургон разгружать: капусту в мешки складывать и во дворец заносить.

— Берём мешок, — шепнул Вася.

Ухватились они за мешок с двух сторон. Поднатужились. Еле подняли.

Понесли. Куда другие несут — туда и они.

В дверь вошли.

По лестнице поднялись.

Коридором протащили из последних сил.

Наконец оказались в полутёмной комнате — кладовой.

— Это что за грузчики-подносчики? — сказал сердито мужик в фартуке. — А ну, брысь отсюда!

Выскочили Вася и Минька за дверь в коридор. Еле дышат.

Почесал Минька затылок:

— А дальше куда?

— Идём! — решительно сказал Вася.

И они пошли по коридору.

Долго шли. Коридоры в царских дворцах длинные, путаные. Чтобы чужой человек заблудился, до царя не дошёл.

Одна дверь открыта. Заглянули — никого.

А на деревянной вешалке висят белые фартуки да белые колпаки.

— Надевай, — сказал Вася. — А то ты своими штанами царя напугать можешь.

Быстро надели фартуки и колпаки, поглядели друг на друга.

— Обыкновенные поварята!

Пошли дальше.

Ещё одна дверь открыта. Заглянули — стоит возле печи старый повар.

— За кренделем пришли?

— За кренделем, — кивнул Минька. Кто ж от кренделя откажется.

— Берите, да не уроните!

А на столе стоит сверкающий поднос в два метра шириной, а на подносе — двуглавый орёл — крендель с розовой корочкой, весь рябенький от изюма.

Взялись Вася и Минька за поднос, подняли и понесли по коридору.

— И во сне не видал таких кренделей! — воскликнул Минька. — Может, куснём?

— Некогда, Минька. Настоящие поварята за кренделем могут явиться. Сразу хватятся. А с этим кренделем мы к самому царю попадём.

Тут и коридор кончился, упёрся в большую тяжёлую дверь с медными львами на ручках.

Толкнули они дверь посильнее. Открылась она, а за дверью — стража в зелёных мундирах.

— Кто такие? По какому делу?

— Крендель лично царю несём! — храбро ответил Вася.

— Проходите! — сказал стражник и крикнул кому-то в другой конец комнаты: — Крендель его величеству государю императору!

Прошли Вася и Минька с подносом через комнату, а уж другие стражники в синих мундирах дверь перед ними открыли, и снова один крикнул:

— Крендель его величеству государю императору!

А потом через третью прошли, через четвёртую, и повсюду стражники стояли. Только цвет мундиров менялся.

— Ишь как царь людей боится! — сказал Вася тихонько. — Кругом столько стражи понаставил!

— Крендель его величеству государю императору! — прокричал стражник в чёрном мундире.

Открылась перед мальчишками ещё одна позолоченная дверь, и они услышали:

— Крендель — это хорошо! Крендель — это я люблю! Давайте сюда крендель. На стол его! Под нож! Сейчас я его зарежу!

Вася и Минька поставили поднос с кренделем на стол и увидели человека в военном мундире с золотыми погонами на плечах. Волосы у него были прилизаны к голове, борода и усы были будто жиром намазанные.

Схватил человек в военном мундире и занёс его над кренделем.

— Стойте! — крикнул Вася.
Человек в мундире даже съежился.

— Стойте! — повторил Вася.
Вот крендель для самого царя.

— Так я и есть сам царь.

— У царя корона на голове.
Вася.

— Что ж, я всё врёшь.
голове таскать? — спросил.

— У царя сила даётся.

— Моя царская сила.
гах. Что прикажу — так и будет.
казнят, прикажу — поймают.

— А можете пригласить?
спросил Минька. Хоть вы и перед царём стоите, но
царя? Ещё надаёт вам
зачем к царю шли.

Нахмурил царь.
— Какой такой

— Обыкновенный, — сказал Вася и достал чету из кармана.

А монета, словно её бешеная собака уку- так и рвётся из пальцев в сторону того кресла, обитого красным барха- на спинке того кресла — двуглавый резан из дерева.

Вася, что это те самые головы, ю царские мысли нашёптывают. ася монету к ладони покрепче. печеского сына были. Здоро- разломить не смог. Пристав ал. Ваш царский Генерал м разломить пятак — не тришли.

селся в кресло с орлом

е? Как сюда прошли?
,?

всё, пропали их го- трашивать.

астоящий, так что ю. Прошли мы сюда т Минька, а меня — второго „а“ класса. ещё больше нахму- его утихомирить? ввернуть?

— Вы не сумлевайтесь, ваше величество. У нас всё по-честному, без обману. Он вот, Вася, может вам рассказать, как оно всё будет через шестьдесят лет, где что построят и какие крендели печь будут.

— А не врёшь?—спросил царь. — Я ведь не люблю, когда другие врут.

— Святой истинный крест! — перекрестился Минька.

— Ну-ну, — сказал царь торопливо. — Давай, давай. Рассказывай.

— Э-э, нет, ваше величество, — сказал Минька. — Надо, чтоб всё по-честному, из рук в руки. Сперва пятак разломайте!

— Это нам просто! Сейчас прикажем силачам, — сказал царь и взял у Васи трепещущую монету.

Тут одна деревянная орлиная голова на троне наклонилась к царю и зашептала ему в самое ухо:

— Ваше императорское величество, никак нельзя силачей звать. Никак нельзя монету ломать.

— Почему?

— А потому, что на ней — я, ваше величество. Великий Двуглавый Орёл, герб вашего величества. А кто хочет этот герб вашего величества поломать, ваше величество, тот смутьян, социалист и бунтовщик!

— Ах вот как! — воскликнул царь. — Провокация! — Он посмотрел внимательно на пяточок. — Значит, вы посягнули на моего двуглавого орла! — Хлопнул царь в ладоши, вбежали стражники. — Схватить их и заковать в крепкие цепи! Нет на свете такой силы, чтобы моего двуглавого орла сломала!

Головы деревянного орла на кресле закивали, а стражники шагнули к Васе и Миньке.

— Стойте! — крикнул Вася и обнял Миньку за плечи. — Стойте! Не схватите вы меня и не закуёте! Потому что я вас не боюсь! Я — из будущего, Минька — со мной. А вы все — прошлое! И ничего вы нам не сделаете! А сила, которая вашего орла ломает, есть!

И царь, и царская стража так и замерли с открытыми ртами. Никогда ещё никто здесь так не разговаривал.

Вдруг в открытой форточке появилась седая ворона.

Громко хлопая крыльями, она подлетела к царю, каркнула, выхватила у него из пальцев блестящий Васин пяточок и вылетела.

У царя от страха нижняя челюсть отвисла.

— Спасибо, ворона! — крикнул Вася и обернулся к царю: — Вы хотели знать, что будет через шестьдесят лет? Жаль, долго

рассказывать некогда. Жизнь будет. Для простого народа. А не для вас, ваших генералов да купцов. Скоро вашего орла разломают на мелкие кусочки!

Повернулся Вася и вышел вместе с Минькой.

Хотел было царь послать за дерзкими мальчишками погоню, да тотчас забыл про них и принялся как ни в чём ни бывало выковыривать изюм из кренделя.

И стража забыла.

Ведь Вася был из будущего, а помнить можно только прошлое.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На волшебную монету
падает третья Васина
слеза

Так и вернулись Вася и Минька из царского дворца не солоно хлебавши.

Уселись опять на поленнице, где Васин восьмиэтажный дом будет стоять. Сидят, вздыхают.

Жалко Миньке Васю. Уж солнышко садится, а монета ещё не разломана. Да и нет её. Ворона унесла. А куда — неизвестно.

— Ворона монету принесёт, — угадав Минькины грустные мысли, сказал Вася.

Хотел Минька возразить: мол, ищи ветра в поле, да прикусил язык, чтобы товарища зря не расстраивать. И так ему худо!

Тут захлопали рядышком крылья, и прямо на Васино плечо села седая ворона. В клюве монету держит.

— А я что говорил! — крикнул Вася, и лицо его просветлело. — Ворона не подведёт!

А ворона весело захлопала крыльями, сделала над ребятами круг и улетела.

— Ну и ворона. Вот так ворона! Никогда таких ворон не видал! — сказал Минька.

А Вася внимательно посмотрел на лежащую на ладони монету. Головы орла щурились на заходящее солнце.

— Как же нам её разломать?

Минька ничего не успел ответить.

— Минька, Минька!...

— Мамка кличет. Погоди немного, — Минька кивнул и исчез за поленницей.

Вася присел на дрова и стал следить, как угасает день. Как один край неба всё густеет и густеет, становится тёмным. А другой, где закатывается солнце, разгорается ало, будто там пожар, и лёгкие перистые облака над тем местом, как подкрашенный пламенем дым.

Запахло дымком, — верно, в какой-то избе затопили печь. Кругом стало тихо-тихо. Даже редкие птичьи голоса умолкли. Даже листва на берёзках перестала шептаться. А Минька всё не шёл.

И Вася так остро почувствовал одиночество, ему стало так жутко, что он, ударяясь коленками об острые края дров, торопливо перебрался через поленницу и побежал к Минькиному дому.

Навстречу из скрипучей калитки вышел Минька, лицо озабочено.

— Вася, — сказал он шёпотом. — у дяди Вани — товарищи. Стаечный комитет. Посторожить велели. А то ф-фараоны нагрянут — всех в тюрьму.

— А кто это дядя Ваня?

— Угловой жилец. Угол у нас снимает. Мы у хозяина — комнату, а дядя Ваня у нас — угол, — и добавил шёпотом: — Он большевик.

— Большевик?—обрадовался Вася.—Мой дедушка был большевиком. Большевики—это коммунисты.

В этот момент, приглушённый стенами избы, до них донёсся уверенный голос:

— Мы не можем отступить ни на шаг. Мы должны день за днём, час за часом готовиться к великому дню, когда разгневанный народ свергнет царское самодержавие, разобьёт ненавистного двуглавого орла и подымет над свободной Россией свое красное знамя!

Минька схватил Васю за руку:

— Пойдём на дрова. Не надо на виду торчать.

Они забрались на поленницу. Минька стал наблюдать за пустынной улицей.

— Слышал, как он сказал: народ разобьёт ненавистного двуглавого орла!...—с жаром сказал Вася.—И так будет, Минька! Так будет! Будет Великая Октябрьская социалистическая революция!

И только сейчас он по-настоящему понял эти слова: „Великая Октябрьская социалистическая революция!“

Это значит—построят прекрасное Автово, в котором он живёт. И станут учить детей в новеньких школах. Это значит—обуют и оденут Миньку, и никто не посмеет его

обидеть. В царском дворце откроют музей. Папа станет знатным токарем на тракторном заводе. Великая Октябрьская социалистическая революция — это то самое будущее, в котором он, Вася, жил.

И сделают революцию вот эти самые рабочие, которые собрались сейчас в Минькином доме у дяди Вани. Простые люди.

Сердце Васи забилося часто-часто от волнения, от гордости за этих людей, от благодарности к ним.

Ну что ж, если никто не может разломать злосчастную монету пополам и ему, Васе, суждено остаться здесь, в этом времени, он знает, что ему надо делать! Он будет помогать этим людям готовить революцию. А в 1917 году, через десять лет, они с Минькой не пропустят ни взятия Зимнего дворца, ни караула в Смольном, ни выступления Владимира Ильича Ленина на съезде Советов. И, может быть, даже удастся попасть потом в Чапаевскую дивизию, драться с белыми и предупредить Чапаева, что на его штаб нападут ночью. И Чапаев останется жив.

На глазах Васи выступили слёзы.

Вася совсем забыл про монету, которая лежала у него на ладони двуглавым орлом вверх.

А слёзы выкатились на щёки, потекли по ним и...

Шлёп...

Одна слеза упала на монету.

Вася побледнел. Вот теперь он останется в этом времени навсегда.

— Минька, — сказал он.

— Что?

— Я, кажется, — Вася хотел сказать „останусь здесь навсегда“, но взглянул на монету и замер: головы орла словно корчились в алом свете заходящего солнца. Монета тускнела на глазах. Зеленела. Становилась всё тоньше и тоньше. Слеза словно обожгла её. Ведь жаркие слёзы гордости не пустые слёзы.

— Минька! Смотри! — шепнул Вася.

Минька повернулся к нему.

— Спасибо тебе за всё, Минька. Я сейчас, наверно, смогу разломать монету. Смотри!

Вася захватил монету пальцами обеих рук. Нажал легонько. Монета хрустнула...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Вася вернулся,
а тайна осталась

Вася открыл глаза и позвал:

— Минька!

Но Миньки не было. И поленницы не было. И солнце ярко светило за окном.

— Вася, ты начал делать уроки?

— Бабушка! — закричал Вася. — Урра!

И посмотрел на свои руки. В пальцах были зажаты половинки старого позеленевшего царского пятака. Монета разломилась так, что одна голова орла оказалась на одной половинке, а другая — на другой.

„Наверное, мне всё приснилось, — подумал Вася. — Наверное, я всё-таки задремал после манной каши. А монету нетрудно было сломать и сонному. Вон она какая гнилая“.

Вася сунул руку в карман. Карман был пуст.

Где же шарики?

— Бабушка! — крикнул он. — Ты мои шарики не брала?

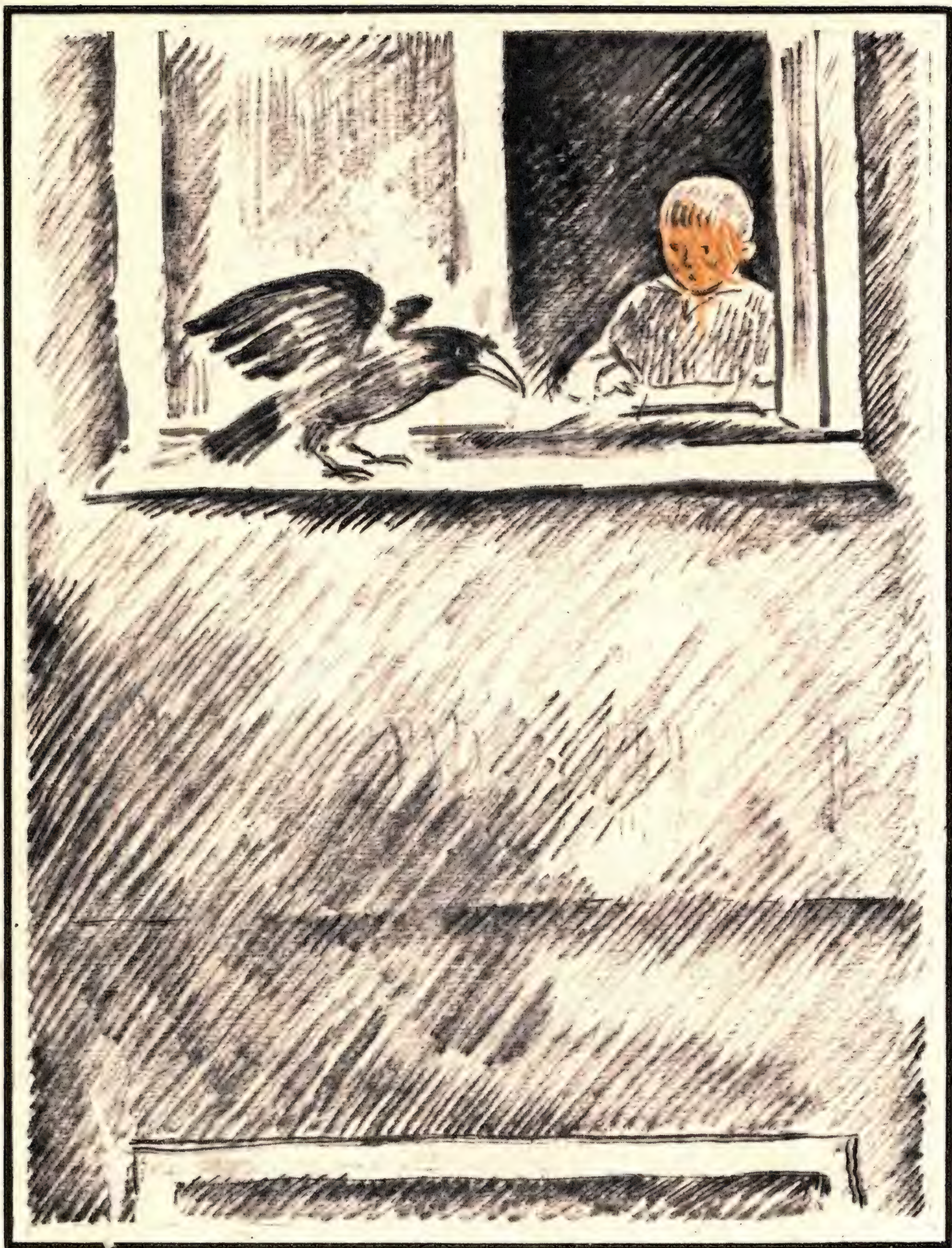
— Нет! Делай уроки.

— Сейчас! — ответил Вася.

Тут на окно села старая седая ворона.

— Здравствуй, Яшка, — сказал Вася. — Это была ты или не ты?

Яшка склонила голову набок, и весёлые искорки промелькнули в её глазах.

А может быть, это только показалось Васе.

Тут бабушка вошла в комнату. Вася обнял её, чмокнул в щёку и спросил:

— Скажи, пожалуйста, когда ты была маленькой, у тебя не было приятеля, которого звали Минькой?

— Минькой, Минькой, — несколько раз повторила бабушка. — Не помню. А тебе на что?

— Так... — вздохнул Вася и выглянул в окно.

Во дворе ребята играли в прятки. Шепталась листва тополей. Пели птицы.

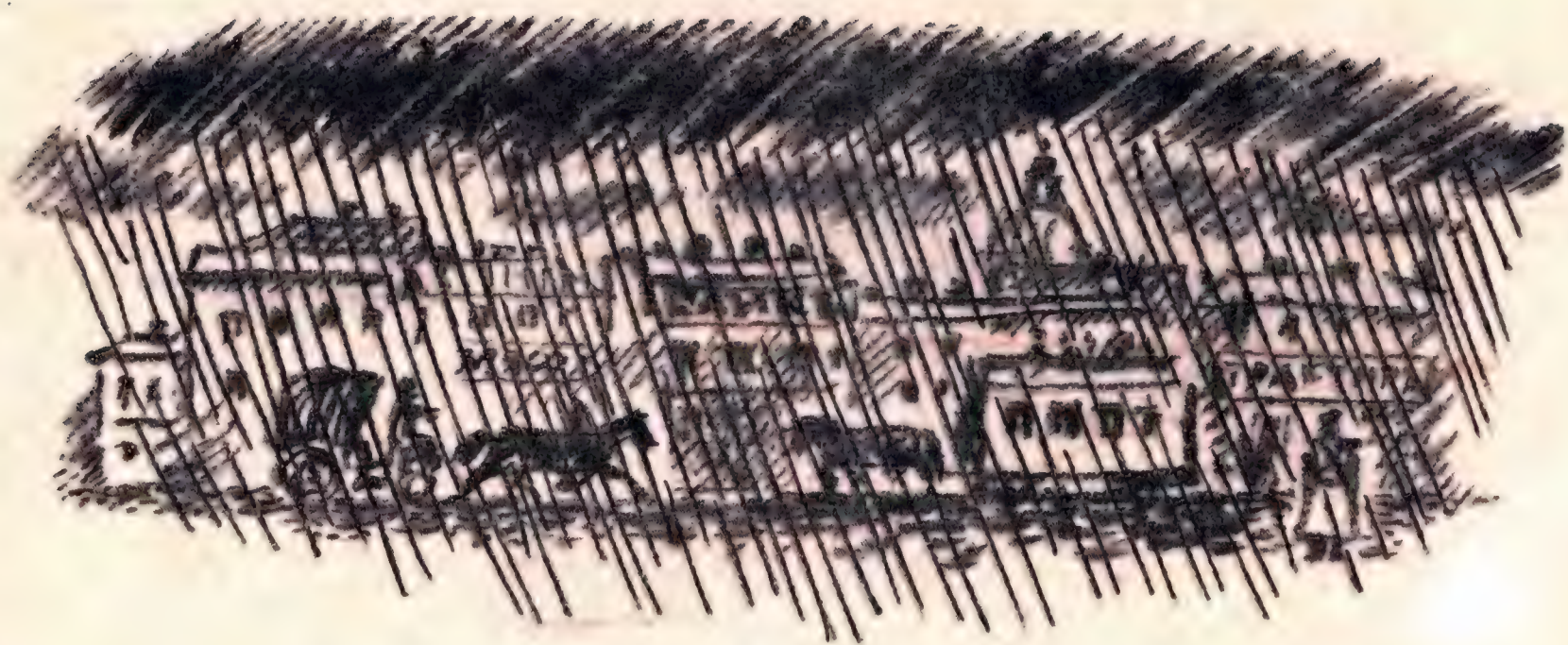
Яшка поцарапала клювом по подоконнику и улетела.

Вася готов дать самое честное октябратское, что ворона вывела клювом: „Тайна“.

Вася помахал вороне рукой:

— Будь спокойна, Яшка!

Вот и вся сказка про октябрёнка Васю Сомова и двуглавого орла.

Было это или не было — никто не знает точно.

Только металлических шариков от подшипников Вася до сих пор найти не может.
Вот так.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Ещё ничего такого не происходит, только Вася находит кругляшок	4
Глава вторая. Появляется двуглавый орёл, и капают пустые слёзы	8
Глава третья. Вася знакомится с Минькой и выясняет, куда он попал	14
Глава четвёртая. Головы орла пробалтываются	24
Глава пятая. Минька с трудом верит Васе, а Ворона открывает тайну двуглавого орла	30
Глава шестая. Купеческий сын мало каши ел	38
Глава седьмая. Полицейский пристав бьёт мух, а Васю сажают в холодную	48
Глава восьмая. Головы орла не теряют надежды, а Вася надувает городских	54
Глава девятая. Генерал напрасно шумит	60
Глава десятая. Вася и Минька встречаются с царём	68
Глава одиннадцатая. На волшебную монету падает третья Васина слеза	82
Глава двенадцатая. Вася вернулся, а тайна осталась	90

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Ваши отзывы о содержании и художественном оформлении книги присылайте по адресу: Ленинград, Д-187, набережная Кутузова, 6. Дом детской книги издательства «Детская литература».

Укажите свой точный адрес и возраст.

ДЛЯ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ТУРИЧИН ИЛЬЯ АФРОИМОВИЧ

Приключения октябрёнка Васи Сомова в прошлом

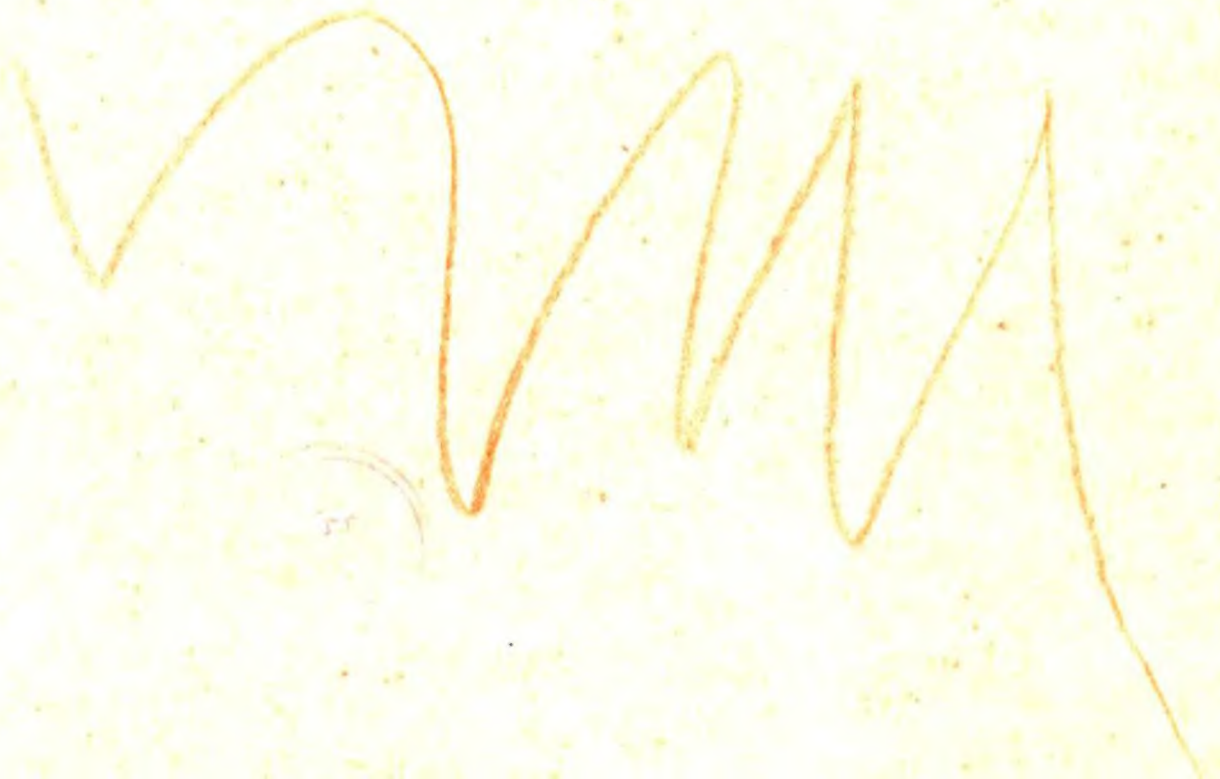
Ответственный редактор *Д. Б. Колпакова.*

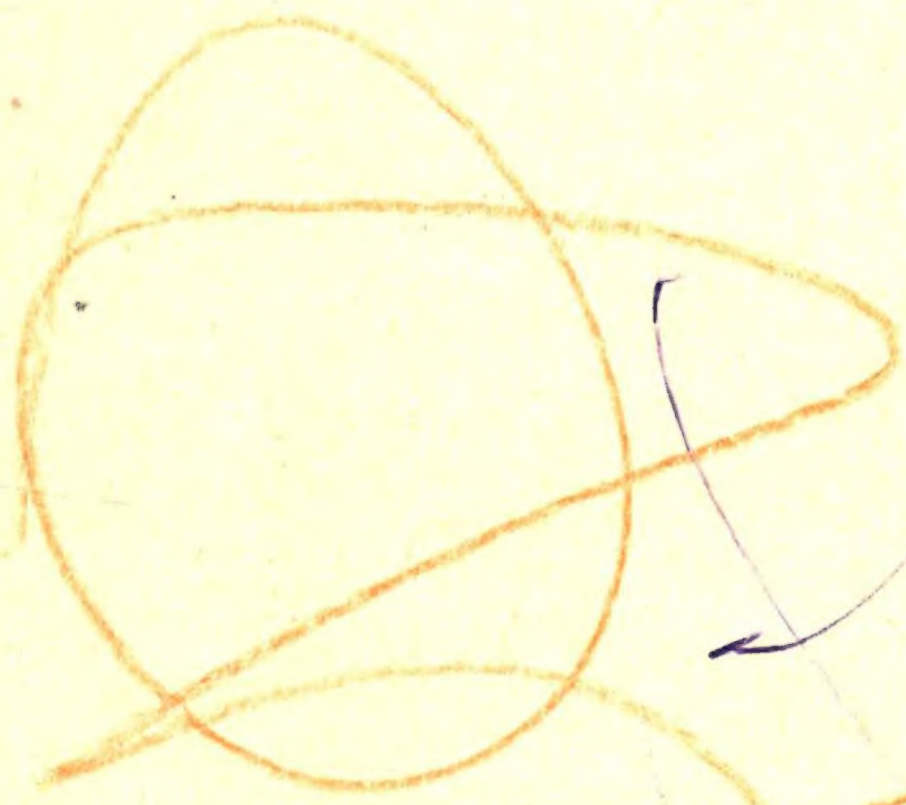
Художественный редактор *В. В. Куприянов.*

Технический редактор *Л. Б. Леонтьева.*

Корректоры *Т. Н. Сморкалова и Г. М. Шукан.*

Подписано к набору 5/V 1967 г. Подписано к печати 30/VIII 1967 г. Формат 70×92¹/₁₆. Бум. № 2. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 7,02. Уч.-изд. л. 4,23. Тираж 200 000 экз. ТП 1967 № 97. Ленинградское отделение издательства «Детская литература». Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 82. Цена 28 коп.

28 коп

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“